

ТЕЛО И ТЕЛЕСНОСТЬ В ТЕКСТАХ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА И ЧЕСЛАВА МИЛОША

(El cuerpo y la coporalidad en los textos de Osip Mandelshtam y de
Cheslav Milosh)

Асия И. Ковтун

Университет им. Вytaутаса Великого, Каунас (Литва)

Asiya I. Kovtun

Universidad de "Vytautas Magnus", Kaunas (Lituania)

ISSN: 1698-322X. ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 11.01.2013

Fecha de evaluación: 9.03. 2013

Cuadernos de Rusística Española n° 9 (2013), 67 - 77

ABSTRACT

This article presents a comparative analysis of the concept BODY in selected poems of Osip Mandelstam and in the essay "A Roadside Dog" by Nobel Prize winner Czeslaw Milosz. The representation of the body is examined under a condition of deconstruction, from a post-structuralist perspective. The analysis of these important and marginal points of the source of the texts leads to weighty results as well. However, the article mainly points at the problem itself, rather than at its solution.

Key words: post-structuralism, representation, body, subject, concept.

РЕЗЮМЕ

Статья представляет компаративный анализ концепта тела в избранной поэзии Осипа Мандельштама и сборнике эссе Нобелевского лауреата Чеслава Милоша «Придорожная собачонка». Репрезентация тела рассматривается в свете идей деконструкции, в перспективе теории постструктурализма. Анализ текстовых маргиналий позволяет делать интересные выводы. Однако статья скорее формулирует проблему, чем отвечает на поставленные вопросы.

Ключевые слова: постструктурализм, репрезентация, тело, субъект, концепт.

Анализ конкретного и живого текста, пожалуй, самая сложная задача, встающая перед любым исследователем. Задача усложняется, если обратиться к неоднозначному, неординарному явлению. *Метод* настоящего исследования – деконструкция текста. *Цель* анализа – рассмотреть в свете идей постструктурализма некоторые аспекты репрезентации в тексте. *Объект* исследования – репрезентация тела и телесности в поэзии Осипа Мандельштама и эссе Чеслава Милоша. Подобное сопоставление имен вполне органично, несмотря на то, что творцов разделяет почти вековая дистанция, различный культурный, исторический и социальный опыт. Мы исходим из положений современной теории литературы, которая передает читателю ответственность за формирование смысловых центров текста и функционирование

произведения как знака. Вместе с тем мы учитываем, что современная методология компаративных исследований в свете идей постструктурализма находится в состоянии становления. Перед компаративистикой встает задача сопоставления литературных репрезентаций в различных общностях, в разные эпохи, в разновременных текстах (Bessière 1999: 270).

В 1909 г. молодой поэт Мандельштам задается вопросом: «Дано мне тело - что мне делать с ним, /Таким единым и таким моим?» (Мандельштам 1978: 59). «Гениальная физиология» Мандельштама (А. Морозов) (Мандельштам 1989:11) отражается в слове: «И вокруг вещи слово блуждает свободно. Как душа вокруг брошенного, но не забытого тела» (Мандельштам 1989:14). Здесь же следует обратиться к замечанию Милоша: «И вспомнится тревога Мицкевича, говорившего, что дух мало что может без тела» (Милош 2002: 130). Концепты тела и телесности могут быть представлены как «фигуры мысли», могут показать непродуктивность противопоставления духовного, активного, живого телесному как пассивному, женственному или внешнему. Максима «человек есть мера всех вещей», в различные эпохи наполненная разным смыслом, в произведениях обоих художников теряет привычное, только метафизическое освещение, и пополняется материальностью живого мира. В творчестве Мандельштама и Милоша текст понимается как один из центральных концептов современной культуры. Особое свойство их творчества – открытость. Автор в тексте может менять свои роли – быть участником, наблюдателем, двойником. Следя за процессом творчества, читатель ведет своеобразную игру с текстом. Её суть – в сотворчестве: наблюдающий за рождением произведения отчасти становится соучастником его создания, а значит, в какой-то степени и соавтором. Подобные подходы и позволят, выявив определенные приемы репрезентации в тексте, сравнить некие «плоскости пересечения» (Ю. Кристева) в познании человека этими авторами.

Осип Мандельштам начинал поэтический путь как символист, акмеист. Поэтика его лирики может быть определена как семантическая по преимуществу – это поэтика имени. В поэтике имени, где вещь и вещьность определяют мировидение, тело занимает определенный пространственный сегмент. Это уточнение и позволяет в качестве примеров семантизации маргиналий в тексте основываться на поэзии Осипа Мандельштама. (Ср. Мандельштам: «Голос материи ... звучит как членораздельная речь» (Мандельштам 1989: 20).

Сборник эссе «Придорожная собачонка» (1998, пер. на рус. яз. 2002) – одна из последних книг Нобелевского лауреата Чеслава Милоша. В ней отражается и великая жизненная мудрость, и опыт, и философская рефлексия мыслителя. Неожиданное название объединяет эссе, отрывки, мысли о жизни и творчестве, теологические размышления, стихи, сюжеты несозданных произведений. Миниатюры, вошедшие в сборник, похожи на высказанные мысли или заметки личного характера, эссе или афоризмы, их так же можно определить как небольшие рассказы или притчи. Подобная концентрация мысли Чеслава Милоша в едином текстовом пространстве одной из последних его книг вполне сопоставима с мыслью во всем поэтическом творчестве Осипа Мандельштама, исходя из положений постструктурализма о многоаспектных возможностях деконструкции текста (Derrida 2011: 131).

В наше время самосознание и самоопределение личности подвергается значительным изменениям: меняется роль, научные формы и методы анализа, взаимоотношения аналитической и дискурсивной форм познания с различными формами сознания. Происходит переосмысление традиционных вопросов о человеке, его возможностях, смысле жизни, роли и месте во вселенной, связи индивидуальной человеческой судьбы с историей. «Ничто не существует вне текста» (Derrida) - это положение определяет объект анализа. Внимание к тексту включает в себя сопротивление логоцентризму, означает отказ от выделения одного или нескольких текстовых центров, которые вроде бы призваны означать смысл произведения. Идентичность субъекта при этом наряду с другими дискурсами может быть определена и посредством маргиналий. При подобном подходе выявляются подавляемые, периферийные смыслы, скрывавшиеся в глубинных структурах текста. Семиотизация тела и телесности в традициях постструктуралистских стратегий может помочь более многозначному и разноплановому прочтению текста. Аксиомой постструктурализма является мысль о том, что человек не способен постичь смысл собственного существования, а познание себя происходит через различные способы репрезентации. В каждой новой позиции субъект проявляется по-новому. Идентичность его деконструировать невозможно. Субъекту остается показать собственное тело и не заботиться о том, чтобы быть понятым и даже о том, чтобы быть увиденным. Главное, быть видимым. Новая эстетика связана не с нарциссизмом или самолюбованием, восхищением собственной материальностью. Скорее это необходимость сохранения себя. Конкретность человека проявляется в максимально свободном актерстве в театре, играющем жизнь. В эстетике постструктурализма заложено стремление разрушить идеологические дискурсы, которые в искусстве всегда затрудняли любые контакты. Согласно постмодернистским теориям театра актер всегда сознательно или неосознанно представляет на сцене свое тело. Тело есть конструкт, концентрирующий важные ценности постнеклассической философии (Постмодернизм 2001: 461). Слово теряет центрирующую позицию, а среди множества концептов текста тело и телесность принимают активное участие в создании смысла. Подобно театральному представлению тело постигается в тексте как постоянно колеблющаяся ткань, которая и поддается воле автора, и сама навязывает ему собственные врожденные ритмы. В тексте тело есть и источник образности, репрезентации, и просто человеческое тело. Следует учитывать что, телесность не вполне идентична телу. Ее можно определить как степени резонирования человека с миром. Понимание телесности можно связать с критикой цельного, идентичного собственному я субъекта. Субъект теряет метафизическую стабильность, может быть обозначен только через саморефлексию, самообозначение и различие. Идентичность субъекта, прежде всего, связывается с новым пониманием его тела. Именно через тело идет поиск новых форм репрезентации. Очевидно, что в этом аспекте телесность не может исследоваться рационально и недоступна только традиционному рефлексивному анализу. Тело может быть представлено как «фигура мысли», может показать непродуктивность и несостоятельность противопоставления духовного, активного начала телесному как пассивному, женственному или внутреннему. В изменениях тела всегда заключались приключения духа. Тело (др.-русск. t ъ lo / лат. Tellus — основа, почва, земля) становится одним из концептов, с которым

связаны некоторые важные моменты этики. Уточнение касается текста любой эпохи. Постструктуралистский подход в таком случае рассматриваются как инструментарий и стратегия анализа текста. Содержание понятий тела и телесности возможно связать с постструктуралистской идеей преодоления трансцендентальности субъекта. В классической философии такой субъект без пространственных и временных параметров представлял собой абстракцию, прозрачное образование. На протяжении нескольких столетий субъект мысли подменял реально существующего человека. В нем постепенно исчезли элементы чувственности и точки соединения с реальным миром. Здесь уместно вспомнить замечание Милоша. Он пишет с иронией: «Сейчас я не уверен. Справедливо ли это, однако настали времена, когда слово имеет отношение не к предмету, например, к дереву, а к тексту о дереве, который ведет начало от текста о дереве и так далее» (Милош 2002: 58).

Однако человек в значительной степени является единством материального и трансцендентального. Именно в человеке и через него совершается и обосновывается эмпирическое познание, поскольку в нем природное живое тело неотделимо от исторического времени и культуры. Вместе с тем такое тело не является ни пассивным объектом, «вещью среди вещей», ни способным к безграничному самосознанию *cogito*. Современной проблемой становится познание человеком самого себя - своего живого тела, собственных отношений с миром и языком, которые до сих пор были для него естественными, оставаясь при этом непонятными. Человек стремится, но никогда не может полностью понять механизмы языка, на котором он говорит, осознать себя как живой организм, осуществляющий свои биологические функции независимо от его сознания и воли. Следует заметить, что все философы и мыслители издавна связывали понятие тела с понятиями своих интеллектуальных систем. К примеру, Декарт предполагал, что бытие мыслящее не совместимо принципиально с бытием протяженным. Субъект понимался как бесплотный, бестелесный. Однако постструктурализм не принимает идеи «чистого» акта мысли. Тело и телесность здесь понимается как ткань или порождающая структура, предшествующая актам сознания. Полновесное описание бытия стремится к пониманию тела как некоего образа-действия, и как части материи. Оно мыслится и как трансцендентальное, и в жизненном становлении. Материальность тела в тексте ощущается как основа существования. Часто внимание текста сосредоточено на физике тела. Как пишет Жорж Батай в известном труде «Жертвоприношения», представления о я должны быть связаны «с немислимимым решением проблемы того, что существует: что существует в качестве глубинного существования, освобожденного от форм кажимости? ...в качестве глубинного существования выступает материя» (Батай 1993: 40). Материя по отношению к человеку для Батая является «основой (la base) его разума, но она обманывает его в силу самой своей природы, которая не сводима к этому разуму...» (Батай 2005: 650). Эта проблема рассматривается М. Фуко, М. Мерло-Понти, Ж. Делезом и др. Уже в конце 19 - нач. 20 века представители неклассической философии Ф. Ницше, С. Кьеркегор, модернисты В. Фолкнер, Ф. Кафка, В. Вульф ввели в философскую проблематику и художественную практику такие феномены, как сексуальность, аффект, перверсия, смерть, тело, эротика и т.п.

О материальности тела можно размышлять в различных аспектах. В художественном тексте тело может быть представлено и как орудие образности,

репрезентации, и просто как человеческое тело. За метафорическим описанием всегда просматривается живое, страдающее от боли и даже скорбящее тело. Субъект в литературе модернизма и постмодернизма часто стремится деперсонализироваться, сознательно освободить тело от я, позволить говорить телу на собственном языке. Тело становится автономным, обладает автономной выразительностью. Тело - нечто большее, чемместилище человеческих органов, чем объект описания, оно проявляется как нечто целое, импульсивно переходящее из одного своего проявления в другое.

В поэтике имени Мандельштама тело и телесность являются содержательными понятиями. Поэт заметил в «Разговоре о Данте»: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны» (Мандельштам 1989: 19). Тело и его составляющие в стихах Мандельштама редко кажутся зашифрованными понятиями, только иногда нуждаются в пояснениях. Названия частей тела как имена полисемантчны, способны дополнить новыми многозначными смыслами поэтический контекст. Так тело становятся знаком и раскрывает новые смыслы в лирике поэта. В стихах упоминаются пальцы, позвоночник, темя, лоб, шея, ухо, ребра, веки, глаза, голова, лицо, торс, сердце, мышцы, губы, плечи. В единстве эта общность составляет тело. Уместно вспомнить замечание поэта о том, что «форма выжимается из содержания-концепции» (Мандельштам 1989: 48), т.е. форма есть квинтэссенция, выражение смысла. Тело в стихах Мандельштама концептуально. Например, «И храма маленькое тело/Одушевленное стократ/ Гиганта, что скалою целой/ К земле беспомощно прижат!» (Мандельштам 1978: 85). Глубинные интимные состояния передаются через метафору тела: «И в ликованьи предела/ Есть упоение жизни./ Воспоминание тела/О неизменной отчизне» (Мандельштам 1978: 209). Милош в эссе «На месте Создателя» так же замечает, мир не был бы столь притягательным, если бы: «Составляющая сознания, ирония, не могла бы предаваться своему любимому занятию – подглядывать за телом» (Милош 2002: 18). Он сочувственно пишет о человеческом роде, его болезнях и смерти, зависимости от времени («Но причина бесконечного богатства, сложности, многообразия всего земного именно в присущем ему противоречии» (Милош 2002: 18). Так, творчество Мандельштама и Милоша подтверждает постулаты постструктурализма: тело есть конструкт, концентрирующий важные ценности постнеклассической философии. Это результат потери словом центрирующей позиции. Децентрированное семантическое содержание слова передается через телесность как один из феноменов среди многих подобных.

Постнеклассическая интерпретация метафизики допускает, что проблемы философии сознания трансформируются в философию языка. Эта философия занимается не опытом бытия, а становлением. Подобное положение стало аксиомой постструктурализма, утверждающего, что сам по себе концепт не является метафизическим «вне текстуальной проработки, в которую он вписан» (Постмодернизм 2001: 462). Вместе с тем, культурный код также может быть связан с материальностью тела. Вспомним примечательные слова Мандельштама в эссе «Слово и культура»: «Я чувствую почти физический нечистый козлиный дух, идущий от врагов слова. Здесь вполне уместен аргумент, приходящий последним при всяком серьезном разногласии: мой противник дурно пахнет» (Мандельштам 1989: 87). Подобный смысл можно усмотреть и в стихотворении «Полночь в Москве.

Роскошно буддийское лето...»: «Из густо отработавших кино,/Убитые, как после хлороформа,/Выходят толпы. До чего они венозны, И до чего им нужен кислород!» (Мандельштам 1978: 156). Таким образом, через материальность тела человек биологический и человек исторический взаимосвязаны. В эссе Милоша изображение тела так же может быть исторически и культурно чрезвычайно выразительным. Форма здесь полностью содержательна, а содержание граничит с трансгрессивным мироощущением. К примеру, в эссе «Голливуд» разворачиваются мизансцены, сменяющие друг друга. Физическое состояние компенсирует, замещает глубинное (Ср.: «Поэт колеблется между тем, чтобы вспороть им животы и выпустить кишки, посадить всех за решетку без пищи в надежде на то, что они пожрут друг друга (причем первыми жертвами станут жирные магнаты), поджарить на медленном огне, бросить связанными в муравейник» (Милош 2002: 99). По законам постмодернистской метафорики, не ограничивающей визуальности, Милош вычерчивает пластические рисунки. Воображаемая пластика движений формирует отношения к прочитанному, потому что тело знает язык эмоций. Посредством языка тела передается полное разнообразных эмоциональных состояний послание читателю.

В методологии постструктурализма текстуальность и телесность приобретают изоморфность, означающую в данном контексте невозможность рассуждать о тексте, не обращаясь к вопросам телесности. Вспомним о том, что телесность есть сфера разворачивания социальных и дискурсивных кодов, а тело как концепт не может быть освобождено от социальных знаков («феноменологическое тело Мерло-Понти, «социальное тело» Делеза и Гваттари, «текстуальное тело» Барта и т.д.). Мерло-Понти определяет тело как место, в котором сходит мир и сознание (Мерло-Понти 1998: 27). Это зона «плоти» мира. Эта мысль сближается с идеями Мандельштама, который замечает: «Слово – плоть и хлеб. ... Сострадание к государству, отрицающему слово, - общественный путь и подвиг современного поэта» (Мандельштам 1989: 89). С фаустовских времен само творчество описывается, по сути, через состояния экстаза, являющиеся, прежде всего, телесным опытом. В подобном опыте концентрируется энергия, сдерживается страсть, подписывается «некое обязательство». И для Мандельштама телесная интенциональность передает состояние оскорбительного ощущения современной жизни – «эпохи Москвошвея»: «Есть блуд труда, и он у нас в крови» (Мандельштам 1978: 156), - пишет поэт. И понятие «сердце» в контексте понимания слова-плоти может быть прочитано не только традиционно метафорически, но и как «текстуальное тело» времени: «В ком сердце есть – тот должен слышать, время, как твой корабль ко дну идет» (Мандельштам 1989: 89). Согласно постструктуралистскому подходу, это момент сообщения «невозможного» другому, от которого зависим пишущий и без которого не имеет смысла письмо. По Батаю, сообщение — это не текст, а мгновенное состояние живого тела, вступающего в эмоциональную связь с другими участниками коммуникации (Батай 1993: 44). И в эссе Милоша глубинные интимные состояния передаются через метафору тела (Ср. «Но я не собираюсь писать такой дневник, не хочу обнажаться» (Милош 2002: 95). Тело показано в своей пространственной и временной жизни: «Старые безобразные мужчины и женщины, в особенности старухи с палками, еле волочащие ноги. Тела, некогда прекрасные, гибкие, предали их, но в каждой теплится огонек сознания, оттого и удивление: «Неужели это я? Не может

быть!» (Милош 2002: 15). Тело реально: «Возможно, я уже подбирался к разгадке, но тут внезапно они предстают перед моим взором нагими: твари обоего пола, с их островками волос, половыми признаками, явными физическими недостатками, слившиеся в обряде возвышенного, духовного обожания, - существует ли что-то более жуткое?» (Милош 2002: 28). Тело имеет свою историю и свое время («И я любил смотреться в зеркала. //Пока не понял по себе, что значит // «Путь всякой плоти». Бунтовать – зазря.// Кто пожил, знает – и сидит тихонько» (Милош 2002: 16). Тело не эстетизируется.

Текстуальность, принятая в ее телесном проявлении, позволяет обратить внимание и на некоторые составляющие тела. С позиций постструктурализма корреляция кожи и тела детерминирована: «необходимо понять, что глубочайшее – это кожа» (Делез). Так кожа может рассматриваться как «наиближайшая компонента тела/плоти к миру (Ср. Мандельштам: «Под кожевенною маской скрыв ужасные черты...») (Мандельштам 1978: 231). Мандельштам принимает кровь (под кожей) как «живое», противопоставленное абстракции (Мандельштам 1978: 71). «Наливаются кровью аорты, /И звучит по рядам шепотком...» (Мандельштам 1989: 15); или: «Но не волк я по крови своей» (Мандельштам 1978: 153). Тело живое и демонстрирует все свои знаки – суставы, органы, кожу. Кровоточащие раны и жесты надрезания как разрушения кожи трактуются как исчезновение тела. Нарушенная кожа уничтожает границу между внутренними и внешними событиями жизни тела. Тело перестает быть телом субъекта, оно исчезает как психо-физиологическое единство. Вспомним стихотворение Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» с его строками «Запихай меня лучше, как шапку, в рукав /Жаркой шубы сибирских степей» (Мандельштам 1978: 153). Я становится зависимым от образов распадающегося и исчезающего мира. Утрачивается способность жить в границах собственного тела. Тело интерпретируется как ризоморфное и противопоставляется всему организму как устойчивой системе. (Делез и Гваттари считают, что наступает момент, когда «нам до смерти надоедает видеть своими глазами, дышать своими легкими, глотать своим ртом, говорить своим языком, иметь анус, глотку, голову и ноги» (Делез и Гваттари 1998: 56). Изображение тела иногда граничит с трансгрессией, помогающей «преодолеть непреодолимое» (Жорж Батай). По мысли Батая, трансгрессия существует с момента, когда искусство начинает проявляться само по себе. Трансгрессия в мир приносит беспокойство, демистифицирует видимый порядок и системность реальности. Трансгрессия открывает новые горизонты выражения (Батай 1993: 46). Состояние современности как физиологическое состояние удушья и депрессии Мандельштам – один из самых чутких и одновременно концептуальных поэтов – передал через тело: «Нельзя дышать, и твердь кишит червями, и ни одна звезда не говорит» (Мандельштам 1978: 125). Столь же трагичны строки: «Отравлен хлеб, и воздух выпит: /Как трудно раны врачевать!» (Мандельштам 1978: 82). Или: «Я вздрагиваю от холода /Мне хочется онеметь!» (Мандельштам 1978: 68). Поэтика имени включает в свое семантическое поле и визуальность. Это особое мировидение, когда поэт не просто пассивно рассматривает предмет и не эстетизирует его образ, но активно включается в созерцание и сопереживает. Тело может быть описано через нарушенную гармонию в его состояниях. «Одушевляющий недостаток» – хромота – становится основой вычерчиваемого Мандельштамом пластического

рисунка: «К пустой земле невольно припадая,/Неравномерной сладкою походкой/ Она идет...» (Мандельштам 1978: 202). Тело телесно и именно в своей телесности является частью текста. Понимается телесность шире, чем тело, и включает в свои контексты осознанные или бессознательные, отчетливые или смутные образы, символы, представления, переживания. В тексте, благодаря подобному подходу к телесности, можно усмотреть идею двойного кодирования тела – личности, в то же время организма.

Идея телесности в культуре часто трансформирована в вопросы эротики, пола. Тело постигается как постоянно колеблющаяся ткань с собственными врожденными ритмами. Таким образом, нормальный биологический организм представляет собой единство множеств. Его отличительными особенностями являются естественность и природная целесообразность, которые четко разделяются в представлениях о мужчине и женщине. («По Мерло-Понти «призрак зеркала выволакивает наружу мою плоть – и тем самым то невидимое, что было и есть в моем теле, сразу же обретает возможность наделять собою другие, видимые мною тела. С этого момента мое тело может содержать сегменты, заимствованные у тел других людей, так же как моя субстанция может переходить в них: человек для человека оказывается зеркалом» (Мерло-Понти 1998: 828). В эссе «Кардинал и Казанова» Милош пишет об основном направлении существования мужчины и женщины: «они пребывали в краю, где взгляд, якобы нечаянное прикосновение руки, случайная встреча в коридоре полны смысла – всегда одного и того же» (Милош 2002: 298). В книге нет того, что долгое время питало литературные шедевры, – осознания отношений мужчины и женщины как вдохновения, геройства и преступления, продолжения рода. Мужчины и женщины составляют «наше сообщество», в котором все основывается на представлении о себе - своей красоте, притягательности, мужественности (Милош 2002: 76). Для определения сообщества Милош так же использует метафору зеркала: «Похвалы какому-то достижению зеркало, которое льстит, а хула – кривое зеркало, в котором черты, от природы недурные, оказываются чудовищными» (Милош 2002: 76).

В стихах Мандельштама можно ощутить только утонченный намек на пол, эротичность. Опыт русской литературы серебряного века в этой области достаточно аскетичен и сдержан. В стихотворении «Есть целомудренные чары...» (Мандельштам 1978: 59) воплощается телесность в образах «торса точеного» и «холода хрупких тел» (Ср.: «Приказывает торс точеный, И холод этих хрупких тел! (Мандельштам 1978: 59). Более того, следующая строка стихотворения уравнивает божественное и человеческое тело: «Иных богов не надо славить:/ Они как равные с тобой...» (Мандельштам 1978: 59). В стихотворении очевидна мысль о том, что в своей истории человечество так и не выработало ориентиров более строгих и определенных, чем ценности антропоцентричные. Поэт определяет телесность как степень резонирования человека с миром: «Нежнее нежного/ Лицо твое,/ Белее белого/ Твоя рука,/ От мира целого/ Ты далека, / И все твое – /От неизбежного» (Мандельштам 1978: 59). Так поэт подтверждает очевидность того, что телесность не может исследоваться последовательно рационально и недоступна только традиционному рефлексивному анализу. Свобода, ответственность, страх, забота, тревога и прочие модусы человеческого бытия в мире связаны не только со строгим рациональным

познанием, но и с интуицией как составляющей тела (Ср.: «Невыразимая печаль/ Открыла два огромных глаза...» (Мандельштам 1978: 60).

Характерная для современного текста концепция эротичности как медиатора между, духовой, мистической и телесной сферами для Мандельштама не стала метафорой преодоления одиночества, солипсизма, разрыва с реальностью. Согласно Батаю, эротизм есть, по сути, один из аспектов внутренней жизни. В этом контексте появляется его проблематика как главного необходимого посредника коммуникации человека с миром. (Ср.: «Субъект не может обрести самоощущенность постольку, поскольку изначально он представляет собой разрыв. Будучи всегда чуждым самому себе, он может «найти себя» только «вне себя», в тех самых объектах окружающего мира, на которые направлено его внимание» (Батай 2005: 536). Объект чувственного желания есть, по сути, другое желание: «То, что непосредственно возбуждает животный организм... привлекает людей посредством символических фигур. Это больше не секрета, запах которой провоцирует другую, но произведенный образ, в целом говорящий о сущности женственности» (Батай 2005: 128). Такую сущность Мандельштам понимает как миром движущую силу: «...Когда бы не Елена,/ Что Троя вам одна, ахейские мужи?» (Мандельштам 1978: 92). Он принимает положение, когда «И море, и Гомер – все движется любовью» (Мандельштам 1978: 92). Однако ярких слов о любви он избегает, признавшись: «Безымянную мы губим,/ Вместе с именем, любовь» (Мандельштам 1978: 90). Эта «прекрасная ересь» скорее отражается в слове о любви к миру («Люблю следить за чайкою крылатой» (Мандельштам 1978: 72), «И колокольни я люблю полет!» (Мандельштам 1978: 72) и пр. «Там – я любить не мог, /Здесь – я любить боюсь» (Мандельштам 1978: 70), – может быть, эти слова определяют отношение поэта к любви. И чувства к женщине – тревога, боль, страх, тоска боязнь потери: «Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть, / Черной свечкой гореть да молиться не сметь» (Мандельштам 1978: 174). Или: «И от красавиц тогдашних, от тех европейок нежных,/Сколько я принял смущения, насады и горя! (Мандельштам 1978: 151).

В культуре второй половины XX века идея телесности, которой не чуждается и Милош, часто трансформирована в вопросы эротики. В представлении мыслителя род человеческий всегда оставался неизменным: «все крутилось вокруг наготы, явной или скрытой, мужчины и женщины и их полового акта» (Милош 2002: 131). Тело может, исходя из особенностей текущего момента, самостоятельно выбрать оптимальные для себя состояния и реакции («Долгая жизнь. Но это достижение медицинской науки» (Милош 2002: 90). Его отличительными особенностями являются естественность и природная целесообразность, которые Милош четко разделяет в представлениях о мужчине и женщине. Если это мужчина – «Он напряжен, зорок. Готов к бегу. Мыслит агрессивно. Знает лучше других. Хочет исправить мир. ...Не может жить в согласии с самим собой» (Милош 2002: 96). А женщина, в видении Милоша, «смотрит на все с улыбкой, зная, что его занимают сиюминутные дела, не имеющие большого значения» (Милош 2002: 96). Представление о женщине у Милоша особое. Некий мужской солипсизм прослеживается в замечаниях мыслителя. Женщина в его понимании не готова к диалогу с миром – герметическое женское сознание стремится сохранить традицию. Однако псевдодихотомия мужчин и женщин не оправдывается, а создает основания для пересечения и переплетения оппозиций.

В «Придорожной собачонке» взгляд Милоша на женщину можно определить как постмодернистский. По его мнению, женщины ближе к хаосу распадающейся действительности. «Они – воплощенная метафора понятий «фасонить» и «недотепа» (Милош 2002: 136). Милош понимает все, что прячется под покровом формы – женскую хрупкость, несурзанность, преувеличенность в восторгах, неуместность, мелочность и глупость. Женщине известен секрет какой-то особой жизни («А я целый век пытался понять ее смысл – без толку» (Милош 2002: 169). А в старости и женщина, и мужчина нуждаются в сочувствии, помощи, плачут над убожеством своего тела. (Ср. «Кто бы мог подумать, Хелена, что наша юность так повернется?» (Милош 2002: 169). Или: «Погружение в сиюминутность была настолько захватывающим, что особая природа данной минуты ускользала от внимания.Внезапно, в один прекрасный день на хорошо знакомых лицах проступала печать прожитых лет, они оказывались морщинистыми, поблекшими, заметными становились седые волосы или залысины. Этому печальному зрелищу сопутствовал проблеск понимания: ну да, напряженность жизни поддерживается только телесным участием и животным теплом этих мужчин и женщин – личностей в то же время организмов» (Милош 2002: 77). В том мудром возрасте, когда пишется книга «Придорожная собачонка», влюбленность – это легкое заболевание души, осознание губительной силы любви, сжигающей силы эроса. Влюбленность – это постепенно приходящее чувство и всегда объект его подвергается «кристаллизации». Влюбленность не равна любви: «Да, я часто бывал влюблен – в кого-то или во что-то». Однако, «даже страшно подумать о контрасте между объектом, нагим среди нагих вещей, и сказками, которые я себе о нем рассказывал» (Милош 2002: 137). Тело со всеми его физическими проявлениями самого разного характера вызывает глубокое сочувствие автора эссе. Саркастической можно назвать горечь, с которой он рассуждает о вожделениях юности, ради которых мужчина способен «на любой аскетизм» и горько думать об отданных сырой земле «предметах неистового геройства».

Как различные знаки телесности и тела, в конечном счете, интегрируются в единую стратегию текста? Этот подход открыт множественности вариантов прочтения. Маргиналии важны для текста, анализ их семантики в разных контекстах позволяет сделать вывод о децентрации текста, включении в производство текстового смысла новых, неожиданных для литературного анализа концептов. Читатель, учитывая предыдущий опыт, формирует новую систему отсчета для будущих интерпретаций и поэзии Осипа Мандельштама, и творчества Чеслава Милоша. Создается своеобразный круг – движение от частного – маргиналии – к целому – новому прочтению текста. Даже попытка ответа на вопрос об участии тела и телесности в общей текстовой стратегии позволит расширить возможность прочтения «знаков бытия» в творчестве авторов. Анализ дает возможность еще раз подтвердить отношение Мандельштама и Милоша к слову как определяющему концепту творчества. Здесь с некой иронией уместно вспомнить строку из стихотворения Осипа Мандельштама «Когда бы грек увидел наши игры...» (Мандельштам 1978: 83).

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАТАЙ Ж. (1993): "Жертвоприношения". Комментарии. № 2. С. 40—48.
- BATAILLE G. *Oeuvres complètes*. Vol. I. P. 650. Цитируется по: Оксана Тимофеева (2005): "Текст как воплощение плоти: к морфологии опыта Ж. Батая" Новое литературное обозрение, № 71. С. 89-102 .
- ДЕЛЕЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. (1998): *Что такое философия?* АЛЕТЕИЯ, Санкт-Петербург.
- МАНДЕЛЬШТАМ О. (1989): *Избранное*. «Эсти раамат», Таллинн.
- МАНДЕЛЬШТА О. (1978): *Стихотворения*. Советский писатель, Москва.
- МИЛОШ Ч. (2002): *Придорожная собачонка: Эссе*. Независимая Газета, Москва.
- МЕРЛО-ПОНТИ М. (1998): "Пространство. Вариант 2 части 2 главы". *Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века*. "Водолей", Томск: С.27-95.
- ПОСТМОДЕРНИЗМ. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ*. (2001): Книжный дом, Минск.
- BESSIÈRE J. (1999): Des équivoques de la théorie littéraire: pour une approche fonctionnaliste de la littérature compare. In :*Perspectives comparatistes: Etudes réunies par Jean Bessière et Daniel-Henri Pageaux*. Paris: Honoré champion. С. 270 – 289.
- DERRIDA J. (1967): La structure, le signe et le jeu dans le discours des sciences humaines. In: *L'écriture et la différence*. Paris. С. 409 – 428.